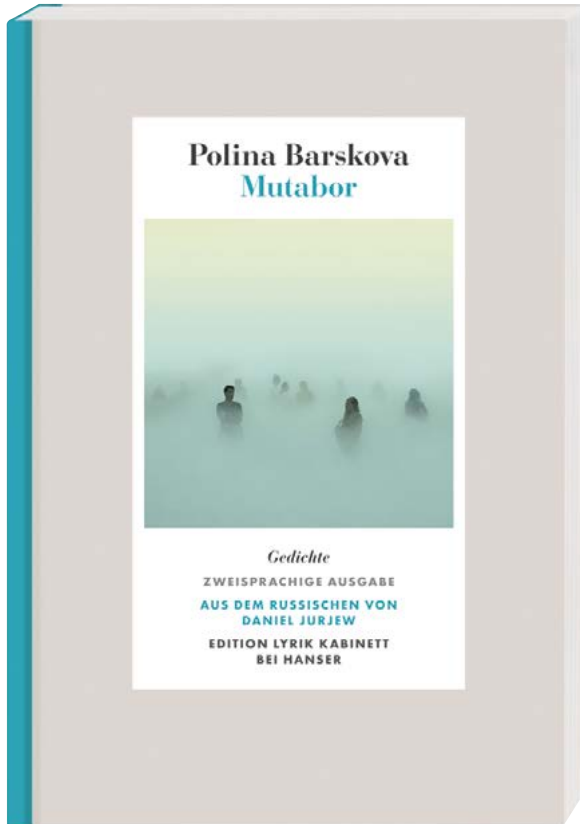

Leseprobe aus:

Polina Barskova
Mutabor

Mehr Informationen zum Buch finden Sie auf
www.hanser-literaturverlage.de

© 2023 Carl Hanser Verlag GmbH & Co. KG, München

HANSER

BAND 52 DER EDITION LYRIK KABINETT

Herausgegeben von Michael Krüger, Holger Pils und Piero Salabè

Gegründet von Ursula Haeusgen

Polina Barskova

MUTABOR

Gedichte

Zweisprachig

Aus dem Russischen
und mit einem Nachwort
von Daniel Jurjew

Hanser

MUTABOR

МУТАБОР

О. К.

Страсть — враг поэзии.

Эдгар По

1. Madre Infeliz

В моей жизни образовались дыры
которые мы символически можем определить как «субботы»
и «воскресенья»

Я пыталась заполнить их твоим твоим
языком

Твоим глазом твоим смехом твоим членом
от этого заполнения наступала смерть
Но на смену смерти приходило воскресенье — и это было
плачевно

Я пыталась заполнить их твоим голосом то
отрицающим то отпевающим то отпивающим меня
как горькое горящее полезное зеленоватое пойло
Когда меня становилось меньше
мне становилось легче

Я пыталась их заполнить Беседой

Я пыталась их заполнить Наблюдением
жирным сурком бледным нарциссом безжалостной
старухой

Но через дыры в меня наплывало
зияние блистанье мерцанье
даже называнье —
«она отдаёт дочь на выходные отцу» —
блокировало усыпляло
ядовитое светящееся
в меня облако
лишь частично

MUTABOR

Für O. K.

Leidenschaft ist der Dichtung Feind.

Edgar Allan Poe

1. Madre Infeliz

In meinem Leben haben sich Löcher aufgetan
symbolisch definierbar als: »Samstage« und

»Sonntage«

Ich habe versucht, sie mit deiner deiner Zunge
auszufüllen

Deinem Auge deinem Lachen deinem Glied
von dieser Ausfüllung brach der Tod an
doch den Tod lösten Sonntag und Auferstehung ab – und das war
armselig

Ich habe versucht, sie mit deiner Stimme auszufüllen die mich bald
leugnet bald ausseignet bald austrinkt

wie bittere brennende nützliche grünliche Plörre

Wenn ich weniger wurde

Wurde mir leichter

Ich habe versucht, sie mit Konversation auszufüllen

Ich habe versucht, sie mit Beobachtung auszufüllen
mit einem fetten Murmeltier einer bleichen Narzisse einer
erbarmungslosen Alten

Doch durch die Löcher kam in mich angeschwommen

Leere Glänzen Schimmern

sogar Beim-Namen-Nennen –

»sie lässt ihre Tochter übers Wochenende beim Vater« –

blockierte betäubte

die giftig in mich

leuchtende Wolke

nur teilweise

Я скребла пол ногтями
Я сидела смотрела во тьму
Я кусала ногти
Я сидела считала часы

Я ощущала себя несколько неадекватной
Я звонила подруге
Подруга наливала молоко из груди в рот своей девочке
как из лейки
убаюкивая меня как-
нибудь обойдётся
займись делом
Я занималась делом
Кора моя простодушная Деметра
Ты набивал мой рот гранатовой кашей
Горели зёрна
Пальцы твои погружались в мой рот как бороны в землю
Когда она на землю вернётся
Будет понедельник

2. Гор

И ворон глядел но напрасно ...
Геннадий Гор

Я наблюдаю двух ворон.
Среди нарциссовых корон.
Они стоят со всех сторон.
Они спешат ворона-вран
Торопятся: как с похорон
И снег разверзся как экран
Дрожит и отражает вонь
Её гортанный вялый крик
Взлетает падает горит

Ich kratzte mit den Nägeln über den Boden
Ich saßschaute in die Dunkelheit
Ich kaute Nägel
Ich saßzählte die Stunden

Ich nahm mich als etwas inadäquat wahr
Ich rief meine Freundin an
Sie goss aus der Brust ihrem Mädchen Milch in den Mund
wie aus einer Gießkanne
lullte mich in den Schlaf wird
schon irgendwie
mach was Sinnvolles
Ich machte was Sinnvolles
Meine Kora die treudoofe Demeter
Du stopfstest mir den Mund mit Granatapfelbrei
Die Körner brannten
Deine Finger gruben sich in meinen Mund wie Eggen in die Erde
Wenn sie an die Oberfläche zurückkehrt
Wird Montag sein

2. Gor

Und der Rabe schaute jedoch vergeblich ...
Gennadij Gor

Ich beobachte zwei Krähen.
Inmitten von Narzissenkronen.
Sie stehen von allen Seiten.
Sie hasten Krähe-Rabe
Eilen: Wie von einer Beerdigung
Und der Schnee hat sich aufgetan wie ein Bildschirm
Zittert und spiegelt den Gestank
Ihr kehliger träger Schrei
Flattert auf fällt brennt

Его тревожный яркий лик
Ей раздражаться не велит
Тогда она и говорит
Мне слова нету от тебя
Живу я взглядом теребя
Твоё горящее лицо
Но нужно нечто мне ещё

А вран в ответ ну ё-моё
Не я ли создал для неё
Вот этот облак алый край
Воды паденье прямо рай
Не я ль к устам её приник
И вырвал то и вставил сё
Подруга я ведь твой язык
Скажи чего тебе ещё?
Ворона тискает червя
Из клюва падает земля
И отворачиваюсь я

3. Дружественный Развод

На некоторой стадии своих супружеских отношений
Я стала ходить ночевать
К местному автору Эмили Дикинсон
То к дереву возле её дома
То на кладбище
Почему зачем-то чему
Именно туда?
Во-первых мне было стыдно ходить туда где другие люди:
Мама либо бездомные либо кто угодно
Во-вторых мне нравилась твёрдая земля и твёрдые корни
Вроде как секс
В-третьих я люблю поэтов

Sein unruhiges helles Antlitz
Befiehlt ihr nicht gereizt zu sein
Und ebendann sagt sie
Du erzählst mir kein Wort
Ich lebe und streiche mit dem Blick
Über dein brennendes Gesicht
Doch brauche ich noch etwas

Zur Antwort der Rabe ach du heilige Scheiße
Hab nicht ich für sie erschaffen
Diesen Karminrand hier von Wolken
Das Fallen des Wassers geradezu ein Paradies
Bin nicht ich zu ihrem Schnabel gekommen
Und hab jenes herausgerissen dieses eingesetzt
Gefährtin ich bin doch deine Zunge
Sag was willst du denn noch?
Die Krähe nestelt am Wurm
Aus dem Schnabel fällt Erde
Und ich wende mich ab

3. Scheidung in Freundschaft

In einem gewissen Stadium meiner Ehe
Hab ich angefangen, zur hiesigen
Autorin Emily Dickinson übernachten zu gehen
Mal zum Baum bei ihrem Haus
Mal auf den Friedhof
Wieso warum auch immer für was
Eben dorthin?
Erstens aus Scham dorthin zu gehen wo andere waren:
Mama oder Obdachlose oder wer auch immer
Zweitens gefielen mir die harte Erde und die harten Wurzeln
Als wäre es Sex
Drittens mag ich Dichter

Живых но ещё
Лучше мёртвых
Мёртвые поэты любят меня
Эмили в нестираной ночной рубашке пахла рыбой
Сначала когда я стала там лежать мне было страшно
Январь (хотя и тёплый)
Но потом выяснилось что ничего страшного
Экстатика
Катарсис
Кончишь в землю ан не замёрзнешь

После того как вывернешь себя воплем наизнанку
Так что внутренности качаются
Как моллюски на корабле
Хорошо лежать на земле
Впоследствии я познакомилась с человеком
Питающим слабость к кладбищам
Отведи меня туда туда
Сказал он
Ведь может случиться и так что я никогда не вернусь
А не хотелось бы уезжать не увидев

4. Мутабор

Аист аисту летит
Аист аисту кричит
Неубитого живого!
Дай давай разбудим слово!
Казалось бы какие только слова
Они не испробовали на вкус не использовали на звук
На прочность
Живые слова мёртвые слова
Слова своих родителей безобразные слова своих старших
сестёр

Lebende doch
Noch besser tote
Tote Dichter mögen mich
Emily im ungewaschenen Nachthemd roch nach Fisch
Anfangs als ich begonnen hatte dort zu liegen hatte ich Angst
Januar (wenn auch ein warmer)
Dann stellte sich heraus es macht nichts
Ekstasik
Katharsis
Du kommst in die Erde dir wird schon nicht kalt werden

Nachdem du dich mit einem Schrei umstülpst
So dass die Eingeweide schaukeln
Wie Mollusken am Schiff
Liegt es sich gut auf der Erde
Später lernte ich jemanden kennen
Der eine Schwäche für Friedhöfe hatte
Führ mich dorthin dorthin
Sagte er
Schließlich kann es auch passieren dass ich nie mehr zurückkomme
Und ich würde ungern fahren ohne das gesehen zu haben

4. Mutabor

Der Storch fliegt dem Storch
Der Storch schreit dem Storch
Den nicht der starb nein den der lebt!
Los, lass uns das Wort aufwecken!
Man würde meinen, was haben sie nicht
Für Wörter geschmeckt, ihren Klang versuchsweise benutzt
Ihre Festigkeit
Lebende Wörter tote Wörter
Wörter ihrer Eltern widerwärtige Wörter ihrer älteren
Schwestern

Они заполнили себя словарями синонимов рифм
Технических и медицинских терминов
Непристойностей и имён
Слова с нестерпимым звуком со свистом проносились мимо
Оставляя нас пустыми но недоудовлетворёнными
Мы шли ночью
Моё сердце дрожало как новорождённый крысёнок
Желанный жалкий зимний приплод
Вывалившийся на тугие брусничные листья
Скрипящий как корень мандрагоры
Мы ждём перемен сказал ты
С ледяною насмешкой Пьеро-то-ли-Арлекина
Мёртвый поэт М. Семенко на краю земли
Пишет тьмы кричащих стихов

Живой поэт Александр С. ходит по Амхерсту
Машет длинными руками: калиф-аист, оценивает, смеётся.
Нет: мы ждём перерождения
Они испробовали все слова
Какие только приходили им на ум:
И муртобор, и мурбутур, и мурбурбур, и муртубур.
Но ничто не помогало,
Заветное слово навсегда исчезло из памяти,
И они как были,
Так навсегда и остались аистами.

Sie haben sich befüllt mit Wörterbüchern Synonyme Reime
Technische und medizinische Begriffe
Obszönitäten und Namen
Die Wörter hasteten vorbei, unausstehlich ihr pfeifender Klang
Ließen uns leer aber unterbefriedigt zurück
Wir gingen nachts
Mein Herz zitterte wie ein neugeborenes Rattenbaby
Ersehnte traurige Winterbrut
Auf straffe Preiselbeerblätter geplumpst
Knirscht wie eine Alraunenwurzel
Wir warten auf Veränderungen sagtest du
Mit dem eisigen Lächeln eines Pierrot-oder-Harlekins
Der tote Dichter M. Semenko am Rande der Welt
Schreibt Myriaden schreiender Verse

Der lebende Dichter Alexander S. wandert durch Amherst
Flattert mit den langen Armen: Kalif Storch, schätzt ein, lacht.
Nein: Wir warten auf Wiedergeburt
Sie haben alle Wörter ausprobiert
Die ihnen nur eingefallen sind:
Ob Murtabor, ob Murbutur, ob Murburbur, ob Murtubur.
Aber nichts half,
Das ersehnte Wort für immer aus der Erinnerung verschwunden,
Und wie sie Störche waren,
So sind sie auch für immer welche geblieben.

ТУФЛИ АХМАТОВОЙ: 1913

Т. П.

среди всех ее фотографий, где она так старается выглядеть,
так держит лицо,
похожая то на даму червей, то уже на пиковую даму,
я все время думаю об одной: она сидит усталая, но довольная,
а я все время смотрю на ремешки ее туфелек.

это очень хитрые, даже лукавые ремешки,
жестко держащие лодыжки, пожалуй изысканные,
возможно жирафы:
на лице ее спокойном довольство —
количеством боли, сознательно ею выбранной, себе
отмеренной:
боли от славы, которую невозможно ни укротить ни утратить
боли от страсти, которую невозможно ни укротить ни
утратить
боли от профессии литератора,
которую невозможно ни укротить, ни утратить
ее душа, производящая тексты
(или что там у нас у них производит тексты?)
охвачена в 1913ом, как ремешками,
ее представлениями о себе о своей судьбе:
бледные мужские романы будут перемежаться нервными
женскими,
Петербург — Парижем, пыльной Сицилией, простодушным
Берлином,
потом: Лиссабон, Маракеш, потом опять Петербург.

Очень маленьким стихам на смену придут призраки рваной
прозы,